

© 2009 г.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОЛЕСНИЦ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ (По поводу сборника статей «Происхождение и распространение колесничества». Луганск: Глобус, 2008)

Среди многочисленнейших и разнообразнейших интересов академика Г.М. Бонгард-Левина большое место занимала история колесниц, поскольку колесница – один из важнейших символов арийской культуры¹. Когда появились сведения о находках на Южном Урале в Синташте древнейших в мире погребений колесничих и остатков колесниц, авторы² прибавили к замечательной их популярной книге «от Скифии до Индии» новую главу «Древние арии: прародина, время и пути расселения», где уделили внимание новым данным о широком распространении коневодства и о происхождении колесниц в степях, признав эти факты важнейшим аргументом в пользу степной южнорусской локализации древнейшей прародины ариев³.

Эти положения, принятые на рубеже веков абсолютным большинством специалистов, теперь стали объектом острых дискуссий: время и место появления повозок в степях Евразии, моноцентрическая гипотеза Г. Чайлда и заимствование повозок с цельными колесами в степях с древнего Востока через Подунавье или, хотя бы частично, через Кавказ, или, наоборот, местное изобретение повозок в культуре Триполья; состав упряжных животных Передней Азии. Наконец, главный вопрос – степное или, напротив, анатолийское происхождение лошадей Синташты и изобретения колесниц.

Первое решение подкрепляет гипотезу индо-иранской принадлежности синташтинцев и их степную прародину и соответственно европейскую прародину индоевропейцев или же, напротив, происхождение колесниц, колесничных коней, типов псалиев для их запряжки и орнаментов на них в Анатолии⁴ и в таком случае служит весомым аргументом в пользу анатолийской гипотезы происхождения индоевропейцев, высказанной Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым⁵, но вызывает серьезные возражения лингвистов⁶. Поэтому можно поздравить нашу науку с выходом в свет крайне важного и очень своевременного сборника, автором проекта которого является Н.И. Василенко. Как справедливо подчеркивает в своем предисловии к сборнику С.Ж. Пустовалов, появление колесниц сыграло выдающуюся роль в истории как степей Евразии, так и Европы и древнего Востока.

Проблемы развития транспорта в Старом Свете, поставленные Г. Чайлдом⁷, предложившим моноцентрическую гипотезу его происхождения, развитую С. Пигготом⁸, подчеркнувшим осо-

¹ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. М., 1969. С. 123, 154; *они же*. Индия в древности. М., 1985. С. 136; Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993. С. 12.

² Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1974, 1983. (Рец.: Кузьмина Е.Е. // ВДИ. 1984. № 3. С. 130, 133).

³ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 2001. С. 167, 178–183.

⁴ Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Археология и радиоуглерод. СПб., 1996, № 1; *он же*. К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997.

⁵ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема // ВДИ. 1980. № 3; *они же*. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1981. № 2; *они же*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

⁶ Дьяконов И.М. О прародине индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3–4.

⁷ Childe G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // EAF. T. I. 1954.

⁸ Pigott S. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidences // PPS. Vol. 34; *idem*. The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L., 1983.

бую роль Кавказа в распространении транспорта в степях Евразии, и детально рассмотренную для древнего Востока М.Э. Литтеуэр и Дж. Крауэлом⁹, вызвали оживленный интерес исследователей в России, Украине, Закавказье, особенно после открытия в 1974 г. на Урале остатков древнейших в мире колесниц в Синташте¹⁰.

К настоящему времени литература, посвященная развитию передвижных средств в степях Евразии, насчитывает уже десятки работ. Новые открытия породили новые проблемы. Они усложняются разнообразием калиброванных дат, а ведь от их принятия зависит решение глобального вопроса истории Старого Света: времени и места происхождения индоевропейских народов.

Все это подчеркивает значимость публикации рецензируемого тома, в котором предложены некоторые новые решения поставленных вопросов и, главное, введены новейшие материалы.

В статье И.Н. Наумова «С¹⁴ хронология и факторы распространения навыков domestikации лошади на территории Восточной Европы» приводится сводка радиоуглеродных дат памятников Волго-Уральского региона (стоянки Ивановская, Варфоломеевская, Джангар, а также более поздние: Орловка, Латошинка, Тентек-Сор, донские: Ракушечный Яр, Кременная II и надпорожские: Игрень VIII, Средний Стог днепро-донецкой культуры и сменяющей ее среднестоговской культуры: Деревка, Молихов Бугор, Александрия), где обнаружены кости лошади. Эти памятники, датируемые VI–IV тыс. до н.э., являются древнейшими в мире свидетельствами возрастающего значения лошади в жизни нео-энеолитического населения южнорусских степей. Однако автор, основываясь на заключениях Г.Н. Матюшина, В.Ф. Зайберта, А.Г. Петренко, приходит к выводу, что эти лошади уже в VI тыс. до н.э. были одоместичены, а в первой половине V тыс. до н.э. население осваивало навыки скотоводческо-коневодческого хозяйства. К сожалению, И.Н. Наумовым не учтено, что эти предположения о domestikации лошади уже оспорены другими исследователями (М. Левин, Ю.Ю. Рассамкиным, П.А. Косинцевым, Е.Е. Кузьминой и др.)¹¹. Важно учитывать заключение Ш. Бёкони о том, что на первом этапе лошадь использовалась только для еды как «живые консервы»¹². Установлено также, что domestikация местных видов животных начинается только после того, как во вторичных очагах из Передней Азии были заимствованы уже одомашненные там крупный и особенно мелкий рогатый скот¹³.

Следовательно, решающее значение имеют находки костей коня в комплексе с костями уже одоместиченных крупного и мелкого рогатого скота: это стоянки Варфоломеевская (5030 ± 200 – ГИН 6546) до н.э., Джангар, Ракушечный Яр (5090 ± 100 – КИ 6480) и др., где уже были предпосылки начала одомашнивания коня.

В этой связи очень важны материалы в статье А.И. Юдина о Варфоломеевской стоянке конца VI – начала IV тыс. до н.э. Здесь выявлены ритуальные скопления зубов лошади и три зооморфные подвески с изображением этого животного. Автор делает вывод, что лошадь была одомашнена на протяжении неолита–энеолита одновременно в степи и лесостепи Восточной Европы. Этот вывод пока спорен, а подобные заключения А.Г. Петренко и Е.Е. Кузьминой уже, как говорилось, оспорены другими исследователями, но несомненно, что Варфоломеевская стоянка является пока древнейшим в мире свидетельством сложения культа этого животного. Ритуальные захоронения коня открыты также в могильниках Съезжее и Хвалынский на Волге, а изображения лошади кроме Варфоломеевки на стоянке Виловатовская и в могильниках Съезжее и Липовый Овраг, что представляет важнейшим аргументом в защиту европейской domestikации лошади, поскольку в Передней Азии важнейший общиндоевропейский культ коня не известен¹⁴.

⁹ Littauer M., Crouwel J. *Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Antient Near East*. Leiden–Köln, 1979.

¹⁰ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.

¹¹ Подробнее см. статьи указанных авторов и библиографию: *Ancient Interactions: East and West in Eurasia* / Ed. K. Boyle, C. Renfrew, M. Levine. Oxf., 2002; *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse* / Ed. M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. Oxf., 2003.

¹² Bökönyi S. The Role of the Horse in the Exploitation of the Steppes // *The Archaeology of the Steppes*. Napoli, 1994.

¹³ Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.

¹⁴ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // *Средняя Азия в древности и средневековье*. М., 1977; *Kuzmina E. Origins of Pastoralism in the Eurasian Steppes* // *Prehistoric Steppe Adaptation...* P. 208–214. Fig. 14,1–14,4.

Существенным доказательством роли коня в культуре степей служат также находки скипетров с изображением этого животного¹⁵.

Большой интерес представляет статья крупного специалиста по палеозоологии степей П.А. Косинцева «Происхождение «колесничных» лошадей». С предельной тщательностью он проанализировал размеры и пропорции костей и, подтвердив свой прежний вывод, отметил, что кони Синташты более тонконогие, чем лошади Ботая в Казахстане, и опроверг вывод Д. Энтони¹⁶, показав, что следы потертости на зубах ботайских лошадей не могли образоваться от удила и не служат признаком domestikации. (В последней своей работе Д. Энтони¹⁷ продолжает считать коней Ботая домашними, верховыми.)

В заключение П.А. Косинцев (с. 122) пришел к выводу, что «колесничные лошади синташтинской культуры не имели местных корней» и «как и население, имели западное происхождение, из южных районов Восточной Европы». Далее автор делает важное заявление (с. 123): «Колесничные лошади были приведены синташтинским населением, вероятнее всего, из Предкавказья... колесницы с упряжью были получены от населения, пришедшего в эти районы из-за Кавказа» и уже имевшего «опыт использования в повозках эквидов (ослов, возможно, онагров) и соответствующую упряжь». Данные о лошадях Анатолии опубликованы Н. Бенеке¹⁸, но количество этих животных там ничтожно.

Попутно следует отметить, что П.А. Косинцев, как и многие другие авторы сборника, повторяет досадную ошибку, допущенную М.В. Гореликом¹⁹, относительно использования в Передней Азии в качестве транспортного животного онагра. Как установлено специалистами по истории древнего Востока, онагр (*Equus hemionus*) был очень сильным и агрессивным животным и не поддавался domestikации, служа только объектом охоты сетями. От скрещивания самки онагра с большим сирийским ослом выводили гибрида кунга, неспособный к воспроизводству. Гибрид стоил в 10 раз дороже большого сирийского осла, потому что именно кунга, а не онагра, использовался в качестве тяглового животного в четырехколесных боевых повозках с цельными колесами, представленных в переднеазиатском искусстве. Судя по изображениям, его запрягали при помощи намордника-капцуга²⁰.

Эти повозки на цельных колесах, вопреки мнению М.В. Горелика, отнюдь не являлись колесницами. В царских могилах древнего Востока находят захоронения пар или четверок гибридов, наряду с большими сирийскими ослами (*Equus asinus*). Кости коня в этих погребениях, насколько мне известно, не встречены ни разу.

Ряд статей посвящен анализу данных о транспорте ямно-катакомбного и катакомбного времени. С.Ж. Пустовалов в статье «Ямно-катакомбные транспортные средства и критерии выделения боевых колесниц эпохи бронзы» ставит важный вопрос о хронологическом соотношении ямных и катакомбных памятников на Украине и приходит к выводу об их частичной синхронности, что подтверждается их хронологией по С-14. Но говоря о развитии транспорта, он настаивает на названии колесницами разных типов колесного транспорта. Терминологическое смешение повозки и колесницы, получившее широкое распространение в нашей науке, восходит к ошибочной статье М.В. Горелика (1985), не сумевшего типологически отделить боевые повозки от колесниц Передней Азии. Четкая классификация уже была дана в классических работах С. Пиготта и М. Литтауэр. Первый тип повозок Передней Азии составляют древнейшие транспортные средства, происходящие от саней и волокуш, с двумя, а позже – четырьмя цельными колесами, первоначально запряженные парой быков (волово). Именно этот тип транспорта первоначально распространился во вторичных очагах: Подунавье, Закавказье, Понто-Каспийских степях, на юге Средней Азии и севере Индии.

¹⁵ Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб., 2007.

¹⁶ Anthony D. The Origins of Horseback Riding // *Antiquity*. 1991. Vol. 65. P. 22–38.

¹⁷ Anthony D. The Horse, the Wheel and Language. Princeton–Oxford, 2007. P. 193–220.

¹⁸ Benecke N. Zu den Anfängen der Pferdehaltung in Eurasien. Aktuelle archäologische Beiträge aus drei Regionen // *EAZ*. Heft. 43. 2002.

¹⁹ Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тыс. до н.э. // Древняя Анатолия. М., 1985 passim; Zarins J. Equids Associated with Human Burials in Third Millennium B.C. Mesopotamia: Two Complementary Facets // *Equids in the Ancient World* / Ed. R. Meadow, H.-P. Uerpmann. Wiesbaden, 1986. P. 164–193; Postgate N. The Equids of Sumer, Again // *Ibid*. P. 194–206, а также другие статьи сборника; Clutton-Brock J. Horse Power: a History of the Horse and the Donkey in Human Societies. L., 1992.

²⁰ Littauer, Crouwel. Op. cit. Fig 3, 6–8, 12.

Позже на древнем Востоке появился тип боевой повозки с четырьмя цельными колесами, поднятыми передком, запряженной четырьмя быстроаллюрными кунга²¹. Этот тип транспорта имел боевое, а также престижное и культовое значение. Вне древнего Востока боевые повозки мне не известны.

Принципиально иной тип транспорта составляет колесница: одноосная с двумя колесами со спицами, влекомая парой лошадей.

Специфика этого транспортного средства осознавалась уже древними индоевропейцами, например, в индо-иранских языках есть общее название колесницы и ее подробное описание в ведических текстах²², и несколько терминов для других транспортных средств, в том числе запряженной парой волов тяжелой повозки с цельными колесами.

Возвращаясь к статье С.Ж. Пустовалова, следует полностью согласиться с тем, что он обратил особое внимание на двухколесную повозку из Марьевки. К этому типу относится повозка из Ижевки на Донце и модель с крытым кузовом из катакомбы «Три брата» в Калмыкии. Именно открытые двуколки из катакомбных погребений являются прекрасными кандидатами в предшественники подлинных колесниц степей, где уже давно известны и кони.

В статье В.В. Рогудеева «Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества» есть важная сводка данных о двуколках и четырехколесных повозках (ошибочно вслед за Гореликом названных колесницами). Повозки захоронены совместно с крупным и мелким рогатым скотом и, что особенно важно, в двух случаях найдены ребра и ноги пар коней (Вертолетное поле и Балабинский), а в Новом на р. Сал – черепа лошадей. В Спасском и Шахаевском расчищены ямки для четырех колес.

Интересно, что в могильниках Маломартыновский, Вертолетное поле, Родионовский и Долгая могила обнаружены колеса с вырезами, сделанными, чтобы облегчить колесо, от чего оставался один шаг к изобретению колеса со спицами.

В статье М.Н. Власкина «Новые катакомбные погребения с колесами на Нижнем Дону» рассмотрены катакомбы с колесами на Нижнем Дону в могильнике Родионовский II, где также обнаружено колесо с четырьмя отверстиями.

Таким образом, в позднекатакомбное время в степях сложились все предпосылки для изобретения колесниц: были двухколесные повозки, кони, культ коня и повозки, связанные с погребальным ритуалом, и даже обычай делать ямки для колес – обычай, получивший широкое распространение в Синташте и позже описанный в ведической литературе в Индии. Мне представляется, что эти факты служат серьезнейшим основанием гипотезы степного происхождения колесниц.

Польские исследователи из Познани Я. Щербечук, А. Кошко, М. Шмит в статье «Лошадь, повозка и дороги» сообщают, что в культурах Унетица и Шаровидных амфор находки костей лошади известны по данным поселения Куявы (Kujawy). Кости коня, хотя и в ничтожном количестве, есть уже в слое линейно-ленточной керамики. Лошадь употреблялась в пищу. Древнейшая находка в Бронсиде сосуда с изображением четырехколесной повозки есть в культуре воронковидных кубков и датируется 3650–3400 г. до н.э. В Польше открыты также следы древних дорог конца IV–начала III тыс. до н.э., что открывало возможность широких коммуникаций в Европе.

Истории колесного транспорта в Европе посвящена важная статья немецкого исследователя Н. Бороффки «Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц». Автор подтверждает, что повозки появляются в Карпатском бассейне в эпоху энеолита на памятниках типа Болераз Баденской культуры, датируемой по C¹⁴ начиная с 3500 г. до н.э. Это известные экземпляры культовых сосудов из погребений Будакалаша и Сигетсентмартоня и находка из Балатонберени. Повозки двусосные, с четырьмя цельными колесами, с квадратным основанием кузова и расширяющимися кверху бортами, орнаментированными зигзагом или вертикальной елочкой. Особый интерес представляет сосуд из Радошина с парой вмазанных головок быков с рогами, подтверждающих, что в Европе древнейшими упряжными животными, как и в степях, и в Передней Азии, были быки (волы).

Этот тип транспорта сохранился и в эпоху ранней и средней бронзы (2500–1500 г. до н.э.) в культурах Хатван и Глина, а в первой половине II тыс. до н.э. в культурах Отомань (Сучиу де

²¹ Ibid. Fig. 3, 8, 24, 25.

²² Rau W. Zur vedischen Altertums Kunde. Wiesbaden, 1983; Sparreboom M. Chariots in the Veda // Memoires of the Kern Institute. 1985. Vol. 3; Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индо-арии? М., 1994. С. 163–170; она же. Арии – путь на юг. М., 2008. С. 171–181; Kuzmina E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden–Boston, 2007. P. 107–115, 329–339.

сус) и Витенберг наряду с четырехколесными повозками появляются модели колес с четырьмя вырезами или орнаментами, имитирующими четыре спицы (Отюмань, Тей, Нитрянски Храдок, Миеркуреа, Чиук, Хотин). На погребальной урне из Вельке Рашковице изображен ряд одноосных колесниц с полукруглым кузовом, парой колес с четырьмя спицами и упряжкой из двух коней. В это же время известны находки костей лошади и псалиев, один тип которых представлен и в степи²³.

Таким образом, развитие транспорта в Карпатах идет параллельно с тем, как это прослеживается в степях от Дуная до Урала.

Н. Бороффка обращает внимание на синхронность свидетельств распространения колесного транспорта на древнем Востоке и в Европе в середине IV тыс. до н.э. Исследователи колесного транспорта степей, принимая моноцентрическую концепцию Г. Чайлда, полагают, что открытые двусосные повозки появились в степи из Подунавья, а крытые и одноосные – позже с Кавказа. Не отрицая этого, я сделала робкую попытку предположить независимое изобретение транспорта в Триполье, где, как и в Передней Азии, были сани, а позже степные повозки, которые в отличие от карпатских имели прямые борта²⁴. Подтверждением этой гипотезы могло бы служить то, что в разных регионах отличались не только детали повозок, но и состав упряжных животных: в Средней Азии это были двугорбые верблюды – бактрианы, в Индии – зебу²⁵. Но культурологический, а не чисто археологический подход к проблеме свидетельствует в пользу моноцентрической гипотезы: именно на древнем Востоке имелись материальные (самая высокая в древнем мире урожайность полей) и духовные предпосылки (раннее выделение интеллектуальной элиты – жрецов и появление специализированного ремесла). Это приводило к инновациям в производстве и их быстрому распространению в разных сферах: колесо на древнем Востоке применялось не только на транспорте, но и в гончарном ремесле в изготовлении керамики на круге. Все это, на мой взгляд, оставляет приоритет в изобретении транспорта за Передней Азией.

Другое допущение Н. Бороффки – о возможном применении в Карпатах четырехколесного транспорта в военных целях – кажется мне неубедительным. Все известные мне боевые четырехколесные повозки в Передней Азии запряжены более быстрыми животными: сирийскими ослами и кунга.

Вопросу о подлинных колесницах степей посвящена статья Ю.М. Бровендора «Новые свидетельства о колесницах срубной общности на Северском Донце». Автор рассматривает желобчатые псалии и отмечает на них орнаментацию, сходную с поздним типом дисковидных псалиев, и подтверждает сосуществование обоих типов, датируя их XVII–XVI вв. до н.э. – эпохой сложения бережновско-маевского типа срубной культуры. Эту дату подкрепляет сходство элементов орнамента с костяными изделиями Прикарпатья. Приведенные данные существенны для решения дискуссии между В.А. Трифоновым²⁶, настаивающим на анатолийской гипотезе происхождения орнамента, и другими авторами, предполагающими его европейский генезис²⁷.

Статья А.И. Василенко «О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры (К вопросу о происхождении колесничества)» снабжена обширной библиографией. Статья носит остро дискуссионный характер. В настоящее время общепринято мнение, что колесничный комплекс в наиболее полном виде представлен в степях на памятниках синташтинского типа (или культуры), где в единичных закрытых комплексах погребений в курганах представлены пары колесничных коней, иногда с наиболее архаичным типом дисковидных псалиев, следы самих колесниц с колесами со спицами, захоронения колесничных с набором вооружения, включающим стрелы, копья, ножи-кинжалы, бронзовые и каменные боевые топоры, булавы, однолезвийные ножи и струги, тесла для изготовления и ремонта колесниц и абразивные материалы для заточки ору-

²³ Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1; Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалиях Евразийских степей // КСИА. 1980. № 161; Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.

²⁴ Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.

²⁵ Она же. Этапы развития колесничного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // ВДИ. 1980. № 4; Щетенко А.Я. Колесницы и повозки в Древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. С. 234–275.

²⁶ Трифонов В.А. К абсолютному датированию...

²⁷ Беседин В.И. «Микенские» орнаменты в Восточной Европе // Северо-Восточное Приазовье в системе европейских древностей. Т. I. Донецк, 1996.

жия²⁸, а также керамику, украшения и костяные лопатки и иногда предметы, связанные с металлургическим производством.

Исследованиями многих авторов установлено, что только на Урале этот комплекс встречается в наиболее полном виде и только здесь выявлены укрепленные поселения со следами металлургического производства. Чем дальше на запад, тем слабее и менее комплексно представлены эти признаки. А.И. Василенко настаивает на том, что бабинская культура является древнейшей колесничной культурой степей. Он возражает против концепции о миграции части синташтинского населения на запад, о чем писали С.С. Березанская²⁹, В.С. Бочкарев и особенно В.В. Отрошенко³⁰, предложивший целостную картину сложения срубной общности. Хотя я согласна с критикой увлеченности В.В. Отрошенко псевдонаучной гипотезой пассионарности Л.Н. Гумилева³¹, я не являюсь специалистом по срубной культуре и полагаю, что ее проблемы должны решать профессионалы, но весь тон полемики А.И. Василенко кажется мне неприемлемым: наряду с С.С. Березанской В.В. Отрошенко был и остается главой бронзовиков Украины.

Второй тезис А.И. Василенко, что бабинская культура имеет хронологический приоритет перед синташтинской, остается недоказанным, потому что в работе нет серии радиоуглеродных дат бабинских памятников, а рассуждения об их стратиграфической позиции – очень важные сами по себе – не доказывают хронологического приоритета по отношению к Синташте.

Что касается псалиев, то, вопреки мнению А.И. Василенко, прав Р.А. Литвиненко, отмечающий, что обстоятельства находки их не выявлены, к тому же (добавлю от себя) количество их находок по сравнению с Синташтой ничтожно, а главное, они относятся к разным и разновременным типам: экземпляры из Трахтемирова и Каменки (Крым) – I тип, из Богуслава – II тип, из Красного (Молдова) и Ильичевки – тип со вставными шипами по моей классификации³²; кстати, не понятно, почему автор ссылается на неудачную и вторичную классификацию С. Пеннер, тогда как специалисты степей уже несколько раз предлагали свои классификации (Г.Б. Зданович, К.Ф. Смирнов, Ю.В. Гончарова, В.С. Бочкарев и др.).

Но А.И. Василенко (с. 143) совершенно прав, когда он ставит вопрос о восточной границе распространения памятников с бабинскими материалами на Дону, Волге и Урале. Эта проблема была поставлена нами с К.Ф. Смирновым³³, но так и не получила дальнейшего развития.

Автор приводит данные (с. 149–154, рис. 8–9) о том, что дисковидные псалии с шипами I и II типов, аналогичные стелпным, находятся в контактной зоне культур Бабино и Монтеору (ср. статью Н. Бороффки в данном сборнике), из чего следует вывод, что носители культуры Монтеору не изобрели ни пряжек, ни псалиев, а заимствовали их у носителей культуры Бабино.

К достоинству работы А.И. Василенко следует отнести его интерес к проблемам палеоэкологии. Но он не учел, что рубеж III и II тыс. был тем временем, когда в Старом Свете произошли важнейшие экологические изменения и на первое место вышел еще один фактор: богатство региона медными месторождениями. И именно поэтому небольшая территория Южного Урала, где были открыты, кроме Каргалов, также маленькие легкодоступные богатые месторождения меди, стала той зоной, где произошло изобретение колесницы. Там, так же, как и на Украине, были плодородные почвы, знакомство с лошастью, распространение в ямную эпоху колесного транспорта, но решающим фактором стало богатство медью. Именно поэтому можно говорить об Уральском очаге культурогенеза. Разные группы южностепного населения потянулись на Урал и смешавшись там, создали самобытную культуру, которая обогнала культурный уровень других регионов степи.

А.В. Епимахов и И.В. Чучков в статье «К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века» приводят результаты своего эксперимента по реконструкции конской упряжи, проведенного на двуколке с одним конем. Их заключения об оголовье представляются убедительными. Но для чистоты эксперимента следовало бы использовать колесницу с двумя лошадьми. К сожалению, авторам остались не известны аналогичные опыты Г. Браунригга³⁴,

²⁸ Генинг, Зданович, Генинг. Синташта, *passim*.

²⁹ Березанська С.С., Отрошенко В.В. Бронзовий вік // Давня історія України. Т. I. Київ, 1997.

³⁰ Отрошенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи. Київ, 2001; *он же*. Історія племен зрубної спільності. Автореф. дис. докт. іст. наук. Київ, 2002.

³¹ Кузьміна. Арии... С. 200.

³² Кузьміна. Еще раз о дисковидных...

³³ Смирнов К.Ф., Кузьміна Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 26–32. Рис. 9.

³⁴ Brownrigg G. Horse Control and the Bit // *Horses and Humans: The Evolutions of Human-Equine Relationships* / Ed. S. Olsen et al. Oxf., 2006. P. 165–171. Fig. 1–6.

также работавшей с одной лошастью, и особенно Ж. Спрютта³⁵, экспериментировавшего с разными типами колесниц.

В заметке Д.П. Куштана «Колесницы в индоевропейской мифологии» приводятся цитаты из письменных источников индо-ариев, хеттов, греков, литовцев.

Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова посвятили свою статью парным жертвоприношениям лошадей в погребениях синташтинского и алакульского типов и пришли к справедливому выводу, что эта традиция восходит к неолитическим захоронениям Поволжья Липовый Овраг и Съезжее и через посредство ямной культуры попала к синташтинцам. (Следует еще раз подчеркнуть, что этот ритуал в столь раннее время не был известен в Анатолии и зафиксирован в середине II тыс. до н.э. только у хеттов, а в Европе – в микенской Греции.) Переходя к вопросам семантики, авторы приводят заключение Л.Л. Гайдученко, что все пары разнополю и состоят из самца и самки. Авторы считают это ритуальной особенностью. Полагаю, что это не так: по сведениям современных коневодов в упряжке тройки коренник – всегда конь, а пристяжные – кобылицы. И тройку долго тренируют, приучая лошадей друг к другу. Станным представляется вывод авторов, что парные разнополюе погребения коней отражают индоевропейский миф о Диоскурах, поскольку в индо-иранской, греческой, римской традициях Диоскуры – всегда братья.

Выходя за пределы Понто-Каспийских степей, следует отметить статью А.Я. Щетенко, посвященную распространению домашней лошади в Средней Азии. Основываясь на данных видного палеозоолога Н.М. Ермоловой, автор приходит к выводу, что изображение лошади появляется на памятниках подгорной полосы только в эпоху Намазга VI вместе с ранее domesticiрованными ослом и двугорбым верблюдом. Но знакомство с конем в Маргиане и Бактрии подтверждается находками в Келлели, Таипе, Гонуре одиночных костей, а также изображений этого животного. Но единственное захоронение лошади в специальной яме, обложенной кирпичом, относится только к финальной фазе после разрушения поселка (с. 222, рис. 2). Общий вывод А.Я. Щетенко, что «появление домашней лошади на территории Средней Азии... связано... с экспансией племен из далеких областей Элама и Гиляна через Хорасан в Маргиану» (с. 225), остается неподтвержденным в связи с тем, что в этих областях нет пока достоверных свидетельств знакомства с конем.

Вызывает возражение интерпретация автором изображения на цилиндре из Гисеара III-V как колесницы в запряжке лошастью и использования сигнальных горнов в военных целях, а также четырех дисковидных псалев с шипами из Джаркутана. Иная интерпретация была предложена мной³⁶.

А.Я. Щетенко, естественно, не могли быть доступны новейшие исследования проблемы коневодства в Гонуре, опубликованные в 2008 г. палеозоологом Р.М. Сатаевым, В. И. Сарияниди и Н.А. Дубовой, которые позволяют по-новому взглянуть на историю распространения эквидов в Маргиане³⁷.

Остальные работы сборника: статьи А.Я. Щетенко о транспорте Индии; А.К. Нефедкина о колесницах Израиля и Ф. Квесада-Сане о колесницах и повозках Иберии железного века хорошо дополняют сборник, но не относятся к интересующей нас проблеме.

Е.Е. Кузьмина

³⁵ Spruytte J. Early Harness Systems. Experimental Studies. L., 1983. Pl. 7: 1–3; 8: 4–6; 13: 1–3.

³⁶ Кузьмина Е.Е. Современное состояние проблемы domestикации лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию В.И. Сарияниди. М., 2004. С. 129–141.

³⁷ Сатаев Р.М. Животные в ритуалах древнего населения Гонур-дене // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад, 2008. С. 147–148; он же. Животные из раскопок городища Гонур-дене // Маргианская археологическая экспедиция. М., 2008. С. 138–142; он же. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-дене // Там же. С. 143–160; Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур-дене (Раскоп 16) // Там же. С. 50–60; он же. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур-дене) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 149–152; Дубова Н.А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-дене // Культура народов Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 84–97.